

УДК 94

А. И. Лушин

A. I. Lushin

К ВОПРОСУ ОБ ОТКЛИКАХ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА НА СМЕРТЬ И. В. СТАЛИНА

TO THE QUESTION OF THE RESPONSES OF SOVIET SOCIETY TO THE DEATH OF I. V. STALIN

Ключевые слова: амнистия, ГУЛАГ, интеллигенция, колхозники, места лишения свободы, надзорные производства, политзаключенные, Прокуратура СССР, рабочие, советское общество, траурные дни, Уголовный кодекс РСФСР.

В статье на материалах документов Надзорных производств Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде показываются реакция и отзывы советских граждан на смерть И. В. Сталина. Приводится значительное количество примеров не только искреннего сожаления по поводу кончины «вождя», но и нередко радостное и даже одобрительное отношение к этому событию определенной части советского общества. Одновременно раскрывается социальная и национальная структура осужденных за одобрительные высказывания в связи со смертью главы государства. Авторский анализ значительного количества дел, представленных в надзорных производствах, является еще одним свидетельством того, что отношение как к личности, так и кончине И. В. Сталина было далеко не однозначным и уж тем более отнюдь не верноподданническим.

Key words: amnesty, the Gulag, intelligentsia, collective farmers, places of imprisonment, supervisory proceedings, political prisoners, Prosecutor's Office of the USSR, workers, Soviet society, mourning days, Criminal Code of the RSFSR.

The materials of the documents of the Supervisory Proceedings of the USSR Prosecutor's Office on cases of anti-Soviet agitation and propaganda are used in the article to show the reaction and responses of Soviet citizens to the death of I. V. Stalin. A considerable number of examples are given not only of sincere regret over the death of the "leader", but also often the joyful and even approving attitude of a certain part of Soviet society to this event. At the same time, the social and national structure of those convicted of approving statements on the death of the head of state is revealed. The author's analysis of a significant number of cases presented in supervisory proceedings is another evidence that the attitude towards both the personality and the death of I. V. Stalin was far from unambiguous and certainly not at all benevolent and loyal.

Сегодня в научной литературе, публицистике, сети Интернет опубликовано значительное количество статей, посвященных личности И. В. Сталина. В отличие от ряда предшествующих десятилетий отечественной истории, когда его деятельность на посту главы правящей партии и правительства рассматривалась только в негативных тонах, особое внимание в них в последние годы стало обращаться, прежде всего, на вклад «вождя» буквально во все сферы жизни Советского государства. Как и любая другая неординарная фигура политической истории страны, его многолетняя деятельность во главе государства трактуется диаметрально противоположным образом как профессиональными исследователями, так и разного рода «специалистами» в области отечественной истории. К большому сожалению, как и в сельском хозяйстве, сегодня в отечественной истории «разбираются» все или почти все желающие, а поистине огромное количество публикаций, посвящен-

ных жизни и деятельности И. В. Сталина, является лишним тому доказательством. В значительной мере неподдельный интерес к незаурядной личности «вождя» связан с сегодняшней общественно-политической ситуацией в стране и за рубежом, к тому же опросы общественного мнения убедительно показывают положительную динамику высокой оценки его организаторской деятельности.

Оставляя «за скобками» все то позитивное и негативное, что было сделано И. В. Сталиным за три десятилетия советской власти как руководителем партии большевиков, попытаемся рассмотреть, как же реагировало советское общество в первые недели на его кончину 5 марта 1953 г. Следует при этом отметить, что подавляющая часть граждан искренне сожалела о смерти руководителя, с которым страна пережила новую экономическую политику, провела форсированную коллективизацию и индустриализацию, осуществила культурную революцию, ценой колоссального количества жертв одержала Победу в самой кровопролитной войне в истории человечества. Свидетельств этому, содержащихся как в работах известных политических и общественных деятелей, так и в исследованиях ученых, воспоминаниях руководителей разного уровня имеется значительное количество¹. Для многих советских людей смерть политического лидера государства была большой личной утратой и неизбывным горем. После официального сообщения о кончине И. В. Сталина по радио ранним утром 6 марта страна погрузилась в траур: в течение нескольких дней проводились многотрудные митинги на предприятиях, колхозах, совхозах, в трудовых и учебных коллективах, а его похороны превратились в массовую манифестацию, закончившуюся гибелью десятков людей, пришедших проститься с «вождем».

Вместе с тем в советском обществе насчитывалась немалое число лиц, встретивших смерть «вождя» если не с откровенной радостью, то, по крайней мере, без заметного огорчения. Это, в первую очередь, относится к тем, кто были осуждены по получившей печальную известность статье 50—10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), большинство из них с нескрываемым удовлетворением встретили известие. Об этом убедительно свидетельствовали в своих воспоминаниях многие бывшие политзаключенные². Их пребывание в лагерях и тюрьмах было напрямую связано с критикой политического режима, созданного и выпестованного, прежде всего, И. В. Сталиным, а также с личными оценками и высказываниями по поводу его смерти, за что они и получили реальные сроки наказания.

Следует отметить, что в начале 1953 г. в местах лишения свободы страны содержалось около 2,5 млн заключенных, из них по ст. 58—10 в лагерях, тюрьмах, колониях и на этапах насчитывалось более 0,5 млн чел. Кроме того, 2,7 млн осужденных находились в качестве поселенцев в спецпоселках системы ГУЛАГ. В результате амнистии, инициированной министром внутренних дел СССР Л. П. Берией, до конца 1953 г. из мест заключения были освобождены 1 201 606 осужденных, дела же более чем на 400 тыс. подсудимых, ожидавших судебных решений, в скором времени были прекращены³. В результате данной акции общее число заключенных в стране к концу 1953 г. сократилось практически наполовину, и на свободу вышли сотни тысяч осужденных, виновность которых была малозначительной. Одновременно с позитивной стороной этой гуманной акции имела место и крайне отрицательная — на свободе оказались тысячи рецидивистов, что способствовало резкому изменению криминогенной ситуации в стране.

Проведенная наспех и имевшая под собой, в первую очередь, политические задачи, амнистия практически не коснулась осужденных по политическим мотивам, среди которых было немало критиковавших сталинский политический курс и негативно относившихся к личности бывшего генсека. Сегодня отечественные исследователи располагают возможностью изучения реакции советских граждан на болезнь и смерть И. В. Сталина, благодаря наличию в Государственном архиве Российской Федерации значительного документального массива, в котором особое место занимают Надзорные производства Отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР⁴. Эти документы дают уникальную возможность для изучения и анализа реакции и отзывов советских людей на смерть руководителя государства. Несмотря на то, что они не отличаются всесторонней полнотой о совершенном деянии осужденных (например, в них, как правило, указывается, что подследственный «возводил клевету на советский государственный строй» или «радовался болезни одного из руководителей советского правительства»), тем не менее здесь зафиксированы пол, возраст, национальность, образование и место преступления и проживания осужденного, что дает возможность для всестороннего изучения рассматриваемого нами феномена.

Необходимо отметить, что за высказывания по поводу кончины главы советского правительства по ст. 58—10 в лагеря были этапированы лица разного возраста, пола, национальной принадлежности, уровня образования и профессиональной подготовки. Только за 1953 г. таких было осуждено 1 617 чел., поэтому говорить о некотором потеплении политического климата в стране после смерти И. В. Сталина в данном случае неуместно. С высоты сегодняшнего времени поражают ничтожность поводов и обвинений о совершении «преступных деяний». По национальному составу преобладали русские, затем шли украинцы, евреи, представители прибалтийских республик. По социальному составу на первом месте находились рабочие, далее шла относительно небольшая часть творческой и научной интеллигенции, незначительную группу составляли жители сельской местности. Возраст осужденных, главным образом мужчин, составлял от 35 до 55 лет, т. е. наиболее трудоспособная часть населения. Почти каждый десятый осужденный по ст. 58—10 относился к «прекрасной половине человечества», часто они являлись и свидетелями. Важной отличительной чертой большинства «антисоветчиков» был, как правило, невысокий образовательный уровень: многие из них окончили не более 7 классов общеобразовательной школы.

Показательно, что со своими заявлениями и оценками болезненного состояния и кончины И. В. Сталина большинство «ораторов» выступали, как правило, спонтанно и в совершенно разных условиях — от домашних кухонь, магазинов, клубов, трудовых коллективов до вагонов поездов и железнодорожных вокзалов. Отношение к смерти руководителя правительства высказывалось различными способами — открытой критикой личности покойного и его деятельности на посту генерального секретаря и председателя правительства, пересказом антисоветских анекдотов, в которых И. В. Сталин не отличался позитивными личностными качествами, исполнением частушек, имеющих антисоветский подтекст, пересказом близким, знакомым, а иногда случайным и незнакомым полученной из зарубежных «радиоголосов» информации и т. д. В надзорных производствах имеется немало свидетельств о высказываниях в адрес сначала находившегося в коме, а затем и скончавшегося «вождя», «крепких» словечек, оскорбительных выражений, а также использования ненорма-

тивной лексики. Кроме того, по нашим подсчетам, около трети осужденных (в подавляющем большинстве лица мужского пола) в момент совершенного «преступного деяния» были в состоянии алкогольного опьянения, что в начале 1950-х гг. отнюдь не снижало степени виновности и риска быть наказанным в уголовном порядке.

Следует иметь в виду, что негативные оценки деятельности главы государства в немалом количестве имели место еще при его жизни и активной политической деятельности. Так, неоднократно судимый Ю. В. Филимонов написал в книге «Звери и птицы земного шара»: «Я бы с удовольствием принял жизнь и быт обезьян, лишь бы не видеть расцвета советской культуры и избавиться от клетки, придуманной Сталиным и его холуями»⁵. Показательно, что, отбывая заключение, он в 1958 г. был осужден еще на один срок за распространение антисоветских листовок в лагере⁶. Незадолго до кончины И. В. Сталина рабочий завода из г. Богородска Горьковской области А. А. Костров неоднократно заявлял знакомым о тяжелой жизни рабочих и колхозников, подвергал резкой критике советский колхозный строй. В уголовном деле А. А. Кострова отмечается, что, когда «ставили осветительную линию, и электрический столб должен был находиться около скульптуры одного из руководителей КПСС и Советского правительства [читай — Сталина], однако он заявил, что „столб можно не ставить, а воспользоваться скульптурой — поставить на нее изоляторы и вернуть лампочку в руку“»⁷.

При выявлении «врагов народа» органы госбезопасности страны встречались подчас с трагикомичными фактами. Например, заведующий кафедрой института усовершенствования врачей А. В. Розенберг во время проведения семинара для врачей-гинекологов в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) рассказал сотрудникам кафедры микробиологии, что вывел новый вид венерического гонококка, который назвал по имени одного из руководителей партии и правительства Советского Союза» (речь в данном случае шла о И. В. Сталине). В ходе следствия органы безопасности установили, что А. В. Розенберг, действительно, говорил о новом виде гонококка, но «назвал его по имени города Сталинска, где этот гонококк был выведен, не имея в виду руководителя советского правительства»⁸. Не менее анекдотичный случай произошел с директором магазина из г. Станислава А. Н. Котлярским, который на траурном митинге оговорился, заявив: «Мы потеряли дорогого и любимого нами врага»⁹. Киномеханик из г. Чарджоу А. Т. Иванов во время демонстрации фильма, когда на экране появился И. В. Сталин, крикнул: «За смерть Сталина, ура!»¹⁰. А машинист Н. Д. Сычев высказал такое предположение: «Поскольку у т. Сталина анализ мочи был ненормальный, возможно, у т. Сталина было венерическое заболевание, может быть, схватил что-нибудь наподобие триппера»¹¹. В письме бульдозериста М. И. Аккуратова Председателю Президиума Верховного Совета СССР содержатся следующие строки: «...9 марта почти весь народ СССР с душевной радостью встретил смерть Сталина»¹².

С нескрываемой радостью известие о кончине «вождя» встречали и многие женщины. Так, каменщица из Ростовской области Р. С. Рыбалко в день первой радиопередачи о крайне тяжелом состоянии И. В. Сталина, 4 марта 1953 г., нецензурно выражалась в его адрес¹³. Среди тех, кто обрадовался смерти И. В. Сталина, были кассир-уборщица С. С. Каплун¹⁴, открыто выразившая свои эмоции по этому поводу, а также продавец в газетном киоске из г. Николаева С. Д. Дорфман, которая 10 марта 1953 г. заявила попутателям: «Он сдох, и вы подохнете»¹⁵. С удовлетворением смерть лидера государства встретила уборщица из г. Сталина А. Ф. Кичкина,

которая после траурного митинга попыталась купить газету вне очереди и обращаясь к стоявшим у газетного ларька покупателям, в крайне грубой форме заявила не только о смерти «вождя», но и о грозящей им смерти¹⁶. Рабочая паровозного депо станции Самтредиа Закавказской железной дороги Е. Г. Гриднева 6 марта 1953 г. спросила сослуживицу, почему она плачет, и, узнав от нее, что скончался И. В. Сталин, сказала: «Собаке собачья смерть. Хорошо, что умер... жить легче будет»¹⁷. А кладовщица военного склада Н. И. Чубарова 5 марта 1953 г. в общечитии, узнав о тяжелом состоянии «вождя», пожелала ему быстрой смерти, заявив: «Умер Максим, ну и [нецензурное слово] с ним. Одним ... меньше будет»¹⁸. Жительница г. Омска Л. В. Салапаева 6 марта на работе также заявила, что смерть И. В. Сталина изменит жизнь граждан страны к лучшему, после чего начала «плясать и петь песню „не скучай, не горюй...“, а дальше нецензурно». Показав на заднюю часть своего тела, сказала, что «давно предчувствовала, что он умрет»¹⁹.

Стоит отметить, что иногда реакция на смерть И. В. Сталина выходила за рамки адекватного человеческого поведения. Например, ученица средней школы г. Львова Л. Огоринская на траурном митинге, посвященном смерти «вождя», заявила: «Туда ему и дорога!», за что была избита одноклассниками²⁰. Рабочая строительного участка из Вильнюса Л. В. Биезайс 4 марта 1953 г. заявила коллегам, что у нее есть хорошая новость для них: «У Сталина отнялась рука и нога, он сейчас подыхает», а 6 марта сказала, что «Сталин сдох»²¹. В среде женщин, как и мужской части советского общества, открыто выражавших удовлетворение тяжелой болезнью, а затем и смертью И. В. Сталина, отмечены люди разного возраста и профессиональной принадлежности. Так, А. Е. Патока, исполнявшая обязанности секретаря народного суда в г. Бутурлиновка Воронежской области, придя на работу в народный суд 4 марта 1953 г. и заметив плохое настроение сотрудников, связанное с известием о тяжелом состоянии «вождя», выразилась нецензурно, заявив при этом: «... хотя он и умер, хуже не будет»²².

Негативное отношение и даже ненависть к «вождю» выражалась разными способами, нередко вымещалась на его портретах и скульптурах. Так, колхозник из Северо-Казахстанской области Я. И. Пейт после траурного митинга, посвященного похоронам И. В. Сталина, бросил в снег его портрет, а затем растоптал и произнес: «Чтобы мои глаза тебя больше не видели». В судебном заседании подсудимый признался, что при этом был абсолютно трезв, но тем не менее заявил, что очень недоволен советской властью в связи с тем, что ему как спецпоселенцу приходилось часто являться в комендатуру и отмечаться о своем присутствии в определенном судом месте проживания²³. Плотник из г. Орска М. Б. Григорович повел себя более цинично: «... в трезвом состоянии и молча проявлял надругательства над портретом вождя, т. е. показывал свой половой член, а второй раз, испортив воздух и обращаясь к портрету, говорил, что крутит носом, не хочет нюхать»²⁴. Слесарь одного из предприятий г. Люберцы Московской области С. И. Попов 4 марта 1953 г. на заводе «допустил контрреволюционный выпад в отношении одного из руководителей советского государства и коммунистической партии и высказал при этом пожелание о его скорейшей смерти»: «Хоть бы подох, туда ему и дорога»²⁵.

Критика в адрес И. В. Сталина и откровенно одобрительное отношение к его смерти нередко раздавались в пассажирских поездах, что свидетельствовало о солидном количестве информаторов «компетентных органов» на железной дороге. Например, неоднократно судимый житель Ростовской области П. П. Зиновьев, находясь в поезде в качестве пассажира, «ругал советское правительство», а 9 марта

во время похорон И. Н. Сталина «допустил контрреволюционный выпад, выразив свою резкую враждебность к советскому правительству»²⁶. Имели место и такие случаи: разнорабочий железной дороги г. Петрозаводска В. М. Потавин после сообщения по радио о тяжелом состоянии И. В. Сталина рассказывал коллегам по работе анекдоты антисоветского содержания и даже выступил «с террористическим выпадом против Вождя»²⁷. В траурные дни рабочий вокзала Тюмень В. Н. Бурмакин по поводу кончины «вождя» высказался коллеге более чем определенно: «Не плачь, дорогая, хватит, попил он нашей крови»²⁸.

Житель Приморского края Н. В. Попов 7 марта 1953 г. в билетном зале железнодорожной станции Манзовка, находясь в радостном настроении, громко распевал песни. Когда один из свидетелей по этому делу подошел к «певцу» и попросил его прекратить пение в связи с тем, что вся страна сейчас переживает смерть И. В. Сталина, то Н. В. Попов обозвал этого человека нецензурными словами и заявил: «...я уже говорил, что он проживет недолго», при этом нецензурно выразился «по адресу коммунистической партии Советского Союза и Ленинского комсомола»²⁹. В траурные дни рабочий нефтяного промысла М. Д. Сапунов (Северо-Осетинская АССР) также не скрывал радостного настроения по поводу смерти И. В. Сталина. С ним солидаризировался сотрудник восстановительного поезда (станция Караталы Южно-Уральской железной дороги) А. К. Рассохин, который 4 марта 1953 г. в котельной поезда, в разговоре с рабочими после официального сообщения о тяжелом состоянии И. В. Сталина заявил: «Он сдохнет, и одним... будет меньше» и при этом нецензурно выругался³⁰. Имели место и циничные заявления. Так, рабочий из Днепрпетровска А. В. Кузнецов заметил: «У темных малограмотных ослов тоже бывает кровоизлияние в мозг»³¹. Более откровенно отреагировал на смерть «вождя» рабочий завода из Сталинской области М. Д. Клыш, который 6 марта 1953 г. после сообщения о его смерти заявил: «Умер Максим, ну и ... с ним», и, обращаясь к стоявшей рядом свидетельнице, заметил: «Тебе не все равно, кто будет, Сталин или другой. Видишь, как ты при Сталине растолстела»³². Показательно, что аналогичные оценки и выражения послужили основанием для осуждения нескольких десятков человек.

Имели место и курьезные случаи, когда, например, мастер цеха судоремонтного завода, ранее судимый по ст. 58 УК РСФСР, А. Н. Монов не разрешил рабочим цеха принять участие в траурном митинге по случаю смерти И. В. Сталина, заявив при этом: «Подумаешь, умер Сталин, таких еще, как он, много будет!», а одной из сотрудниц сказал: «Не распускай нюни!». Во время похорон «вождя», чтобы рабочие не смогли принять участие в траурном митинге, мастер решил огласить приказ директора завода о распределении рабочих смен³³. Откровенно, с нескрываемым воодушевлением и радостью встретил весть о смерти И. В. Сталина каменщик из г. Дербента Дагестанской АССР И. Н. Кизяков, он открыто призывал знакомых по этому случаю петь, веселиться, пить водку и плясать³⁴. Цинично высказался о кончине «вождя» слесарь вокзала г. Рославля Смоленской области М. П. Абраменко, который, услышав информацию о болезни И. В. Сталина, заявил: «Один подохнет, на его место будет другой — такой же. Болото без черта не бывает»³⁵. Старший помощник начальника станции Московской окружной железной дороги, член КПСС З. Е. Левин 6 марта 1953 г. на работе после траурного митинга при разговоре о том, что огромное число людей идет прощаться с И. В. Сталиным в Колонный зал Дома Союзов, заявил, что русский народ всегда отличался жалостливостью: «Если даже негодяй умрет, так и то его семье оказывают сожаление, а это все-таки вождь». По

другой версии, он, якобы, сказал, что же здесь нет ничего удивительного: «Ведь даже, когда собаку задавят, и то народ собирается смотреть, а это все-таки вождя хоронят»³⁶. В резолюции прокурора на справке по этому делу от 9 мая 1953 г. отмечалось следующее: «Составьте протест на предмет отмены приговора и прекращения дела, так как Левин, хотя и высказал крайне неуместное противопоставление, но в его словах нет антисоветского, отрицательного отношения к вождю»³⁷.

С чувством заметного душевного облегчения встретили сообщение о смерти И. В. Сталина Я. А. Ройт, А. Я. Брискман³⁸, а также кузнец судоремонтных мастерских из г. Гори Грузинской ССР В. В. Сурков, который при оформлении траурного портрета И. В. Сталина заявил: «Давно бы так надо было»³⁹. Не отличалось от этого поведение И. С. Рыжова, кочегара станции Манзовка Приморского края, который во время смертельной болезни И. В. Сталина заявил, что тот не давал людям жить свободно и даже перед смертью не провел снижения цен на основные продукты и промышленные товары⁴⁰.

Удовлетворение кончиной И. В. Сталина высказывали и жители сельской местности. Так, колхозник из Ростовской области член КПСС Г. М. Гладких 4 марта 1953 г. выступил с оскорбительной репликой по поводу болезни И. В. Сталина. После сообщения колхозника Белоусенко о том, что по радио передали весть о тяжелом состоянии здоровья И. В. Сталина и что у него произошло кровоизлияние в мозг. В ответ на это Г. М. Гладких заявил: «Взяли бы и отрезали ему ухо и остановили кровь». Г. М. Гладких окружающие сделали замечание по этому поводу, тем не менее последний сказал: «Даже козлам уши режут, и они в живых остаются»⁴¹.

Среди осужденных за высказывания по поводу смерти И. В. Сталина были разнорабочий из г. Уфы Т. М. Елышев⁴², резинотехник из г. Красноярска Б. А. Басов⁴³, разнорабочий строительного-монтажного участка г. Мамоново Калининградской области А. С. Подлесский⁴⁴, кочегар фабрики из г. Благовещенска Амурской области В. Н. Сергеев⁴⁵ и многие другие. Однако особую категорию среди осужденных за высказывания в отношении болезни и смерти И. В. Сталина по ст. 58—10 УК РСФСР составляли лица, совершившие инкриминируемые им преступления в состоянии алкогольного опьянения. В связи с этим показательным трагикомичным, достойным пера журналиста является осуждение жителя г. Бокситогорска Ленинградской области Г. И. Ласского. Последний, будучи в нетрезвом состоянии, незадолго до смерти И. В. Сталина рассказывал собутыльникам, что он в свое время жил в Кракове, и сам К. К. Рокоссовский является его другом, и что они, «даже сидели в одной камере». К ходу выпивки, указав на портрет И. В. Сталина, он заявил: «Если бы не было этого крокодила и его воспитанников — райкомов и горкомов, вас бы не обманывали, и мы лучше бы жили»⁴⁶. В жалобах, поданных после приговора суда в прокуратуру, Г. И. Ласский сообщил, что на Новый год был пьян, и ночью, якобы, постучался в чужую квартиру, где ему открыли дверь и пригласили выпить. Однако находившиеся в квартире граждане также были в нетрезвом состоянии, «приняли его за диверсанта» и решили разоблачить его, «поэтому стали выдавать себя за бывших польских офицеров, находящихся в подполье, и провоцировать его на различные антисоветские высказывания». Г. И. Ласский, в свою очередь, решил их опередить и разоблачить и стал «говорить разные вымыслы о себе, достойные барона Мюнхгаузена»⁴⁷.

Не скрывал своей радости от смерти И. В. Сталина колхозник из Калужской области М. Ф. Прокопов, который в вагоне поезда Мичуринск — Смоленск в нетрез-

вом состоянии не только нецензурно ругался, но и открыто заявил, что он «очень доволен смертью Сталина»⁴⁸. Несколько ранее, сапожник из г. Иванова Н. Л. Круглов в нетрезвом состоянии сначала у себя, в мастерской, а затем уже в пивной заявил о болезни И. В. Сталина: «...пусть он сохнет, сейчас незаменимых людей нет, на его место найдутся другие», при этом, как отмечалось в его уголовном деле, «нецензурно ругался»⁴⁹. Участник Великой Отечественной войны из Ставропольского края В. И. Позолотив 8 марта 1953 г. т. е., в день всесоюзного траура «вел себя очень весело». Тем не менее, из его показаний следовало, что он, якобы, выругался нецензурной бранью по адресу руководителя партии и советского правительства только «потому, что смерть его мне была безразлична, а выпил я только в честь 8 марта»⁵⁰. А кочегар из Нарьян-Мара Архангельской области А. А. Дерябин 8 марта 1953 г., находясь в нетрезвом состоянии на вокзале станции «Лев Толстой» Московско-Донбасской железной дороги, открыто распевал веселые песни. Присутствовавшие в зале школьники из Северо-Осетинской АССР попытались остановить его, что песни в траурные дни петь неэтично, тогда А. А. Дерябин стал нецензурно ругаться и заявил, что если бы И. В. Сталин умер еще двадцать лет назад, то этому бы «радовались наши отцы и дети»⁵¹.

Примеров радостного, по существу одобрительного, отношения к смерти И. В. Сталина имеется значительное количество, что свидетельствует о широкой палитре мнений по поводу его кончины. Они являются еще одним убедительным свидетельством того, что смерть «вождя» даже в самые первые дни вызвала нередко диаметрально противоположную реакцию и эмоции в советском обществе — от искренних, глубоких переживаний до откровенно радостных и одобрительных высказываний. Все это убедительно свидетельствует о том, что отношение к личности «вождя» у советских граждан отнюдь не всегда было верноподданническим, нередко даже — наоборот, доказательством чего служит осуждение судами в 1953 г. значительного количества лиц, высказавших свою точку зрения по поводу его кончины. Суровость наказания за такого рода «преступления», безусловно, не соответствовала степени виновности осужденных, тем не менее большинство из них приговаривались к реальным срокам и вынуждены были отбывать наказание за выражение своей позиции и точки зрения. В данном случае нет оснований говорить о некоторой либерализации политического режима, наступившей с приходом к власти Н. С. Хрущева.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Бажанов Б. Г.** Я был секретарем Сталина. М., 2014. 304 с.; **Батлер С.** Сталин и Рузвельт. Великое партнерство М., 2017. 672 с.; **Власик Н. С., Рыбин А. Т.** Сталин. Личная жизнь : сб. М., 2012. 240 с. (Рядом со Сталиным); **Гаспарян А. С.** Убить Сталина. М., 2016. 320 с.; **Гругман Р. А.** Смерть Сталина. Все версии и еще одна. М., 2021. 336 с.; **Жуков Ю. Н.** Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 — 1937 гг. М., 2019. 368 с.; **Земсков В. Н.** Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2020. 240 с.; **Кожин В. В.** Сталин и народ. Правда сталинских репрессий. М., 2021. 400 с.; **Кофанов А. Н.** Русский царь. Иосиф Сталин. М., 2017. 351 с.; **Сталин В.** От отца не отрекаюсь! Запрещенные мемуары сына вождя. М., 2016. 260 с.

² См.: **Разгон Л. Э.** Плен в своем отечестве // Репрессии в СССР в 30—50-е гг. М., 1994. 426 с.; **Гинзбург Е. С.** Крутой маршрут // Хроника времен культа личности. М., 2011. 878 с. и др.

³ См.: **Земсков В. Н.** ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10 — 27; 1991. № 7. С. 3 — 16; **Александров К.** За антисоветскую агитацию и пропаганду // Дилетант. 2022. № 73. С. 76 — 77.

⁴ См.: 58—10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 — 1991 : аннотиров. каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко ; сост. О. В. Эдельман. М., 1999. 944 с.

⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 56135. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 41479. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 41464. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 37330. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 47367. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 49563. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 47061. Л. 1.

¹² Там же. Д. 62345. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 59257. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 38147. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 3820. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 38707. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 43154. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 8414. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 38134. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 37877. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 37845. Л. 1.

²² Там же. Д. 92330. Л. 1.

²³ Там же. Д. 3839. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 65531. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 59686. Л. 1.

²⁶ Там же. Д. 59251. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 42998. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 59643. Л. 1.

²⁹ ГА РФ. Ф. 8131 (9474). Оп. 31 (39). Д. 68217 (361). Л. 1.

³⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 43205. Л. 1.

³¹ Там же.

³² Там же. Д. 60022. Л. 1.

³³ Там же. Д. 43419. Л. 1.

³⁴ Там же. Д. 7632. Л. 1.

³⁵ Там же. Д. 59917. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 43005. Л. 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Оп. 31 (36). Д. 38157 (10816). Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 38703. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Д. 68716. Л. 1.

⁴¹ Там же. Д. 39954. Л. 1.

⁴² Там же. Д. 40616. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 38248. Л. 1.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8131 (9474). Оп. 31 (40). Д. 47301 (1080). Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 41634 (594). Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 41634 (594). Л. 1.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 40. Д. 88813. Л. 1.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 8131 (9474). Оп. 31 (39). Д. 43126 (24). Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 43187. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 43126 (24). Л. 1.

⁵¹ Там же. Д. 60541 (219). Л. 1.

Поступила 13.04.2022 г.